

Гр. Капанцян

Хурритские слова армянского языка

Переселившиеся с VII в. до н. э. из древнего государства Хайаса-Аззи (Хайаса = место хаев, т. е. армян), совпадающего с поздней Малой и Высокой Арменией, племена или народы *хаев* и их западных соседей *пала* (*бала*) засели главным образом на юго-западных просторах Урарту; они двигались сперва на юг (Тогарма и Мелитена), а затем на Софену и Арзанену, т. е. в сторону верховьев Тигра и районов Таврских гор, особенно в области Арме и Шуприа. В Шупритисе (= Шуприа) помещает армян и Страбон, считая их исходным пунктом Акилисену, т. е. центр бывшей Хайасы. Часть же хайасцев и палайцев двинулась на восток и северо-восток по течению Аракса до современного Карабага и Зангезура. Есть данные, что эти племена отчасти проникли и в современную Грузию.

В районах верхнего Тигра, в частности в областях, обозначаемых в клинописях как Арме (Ариме) и Шуприа, в это время несомненно еще обитали *шубары* (откуда Шуприа) или *хурриты*, отчасти арамеизованные, а позже и арменизованные. Недаром эти районы упоминаются у Фауста Византийского как древнейшие домены армян. Район „Ангелдом“ (арм. Angel-tun), совпадающий с древним Арме, по Фаусту Византийскому считался „столицей“ (= доменом) *армян давным давно*“, а в районе соседнего с востока Шуприа позже была основана столица Тиграна II — Тигранакерт, нынешний Муфаркин.

Новый топоимический термин Armina своим -ina так образовался из Arme, как Hattina из Hatti (= урартс. Hate) „страна и народ хеттов“, Luluina „страна лулубеев“, Biaina „страна племени биа“, Palestina „страна филистимлян“ и т. п. Пришлые хаи ассимилировали аримов и соседних же хурритов, имя которых в клинописи упоминается вплоть до VIII в. до н. э. В персидском тексте Бехистанской надписи Дария I (521 г. до н. э.) область расселившихся хаев (так называют себя армяне) еще называется по старому *местному* имени Армина, а отсюда и персидское производное образование arminia „арминец“ (т. е. из области Armina), а отсюда и грецизированные armenos „армянин“ и Armenia. Но ассириовавилонский переводный текст той же Бехистанской надписи дает уже старое *политическое* наименование „Урашту“ (= Урарту), по функции бывших владельцев, т. е. урартцев, столь известных этим ассирийцам по политическим и военным обстоятельствам. Различное наименова-

ние одного и того же народа или племени со стороны их соседей нам известно и во многих других случаях.

Переселившиеся под киммерийским давлением хайасцы (вместе с близкими к ним палайцами) этнически, политически и лингвистически взяли верх над всеми местными племенами и языками Урарту, обогащаясь в словарном отношении и сохраняя в общем свой грамматический строй. Местные языки и их диалекты естественно не все целиком поглощались. Они могли все же удержать свои особенности, как в словаре, так и грамматике (что реже) и их такая дифференцированная арменизация (точнее „хайизация“) естественно отразилась в формировании территориальных армянских диалектов.

Нас в данной работе интересует вопрос, какими своими элементами (корнеслов, формы) хурритский язык юга Армении (районов Таврских гор) отложился в общеармянском языке, как новое напластывание, подобно хеттскому, урартскому и грузинскому вкладам в древнейший язык хаев-армян, в период их племенного объединения, в противоположность поздним заимствованиям из иранского, сирийского, греческого и прочих языков, когда армяне уже в качестве государственного народа, обладающего письменностью, имели совершенно иную ситуацию, качественно отличную от прежней.

Этнико-историческим отголоском смешения субарийского (шуприйского), гесп. хурритского, народа Ар(и)ме с пришлыми хайасцами является упоминание армянским историком М. Хоренским одного из родоначальников армян — патриарха Хора (*Խոր* Хор), сына Хайка, откуда и влиятельная армянская княжеская фамилия (род) Хорхорунни с титулом „малхаз“ (откуда и Малхазуни). Быть может бытовым реликтом того же этнического начала является и арм. нарицательное слово „хор“ (*խոր* хор) в значении „скряга, скупой“, подобно грузинск. „гмири“ в значении „герой“ от имени киммеров или арм. „ска“ (=великан) от имени саков и т. п. Видимо хурриты-субары, как торговый или негостеприимный народ, оставили на пришлых хайасцев неблагоприятное впечатление.

Хурриты занимали довольно обширные пространства Северной Месопотамии (столица Ассирии Ниневия основана ими), Сирии, южной Армении, возможно Киликии и пр. и имели, как сейчас принимается всеми, разные наречия. Между прочим, сами термины *хурри* (= *хорр*) и *субари* (*шубари*, *шубриа*) считаются диалектными наименованиями. Хурриты не сумели объединиться в одно большое государство и образовать единый язык. Только в продолжение двухсот лет (1400—1200) они сумели создать одно сильное политическое объединение — Митанийское государство в долине реки Хабур, официальным языком которого является письмо царя Тушратты, написанное египетскому фараону Аменхотепу III. Это письмо в 496 строк (начальные семь строк, как торжественное приветствие, написаны на аккадском языке) и до сих пор служит лучшим связным текстом простого и народного хурритского языка. Найденные

в архиве хеттских царей из Богазкея (=хеттское Хаттуша) хурритские документы приблизительно в тысячу строк современны „Митаннийскому письму“ (т. е. письму Тушратты), носят ритуально-мифологический характер, за исключением фрагмента из эпоса Гилгамеша, и отличаются в языковом отношении. Мало помогли пониманию указанных текстов и сравнительно недавно открытые в Рас-Шамре (древнее Угарит в Сирии, к югу от Антакии) стихотворные тексты, из которых самый крупный имеет 62 строки (разделено на 17 параграфов) и служит воззванием к богам, не считая отдельного листа с именами богов. Их клинопись дает только согласные звуки и потому трудна для понимания. Найденный в этом же месте сумеро-хурритский словарь, дающий перевод 135 хурритским словам (частично испорчен), более способствовал прогрессу в знаниях хурритского языка, но и он, как видно из сравнения с другими хурритскими словами, отражает особый диалект. Я уж не говорю о диалектном также характере четырех хурритских надписей из области Мари (район современного Тель-Харири, где впадает Хабур в Евфрат), как и о собственных именах хурритов из аккадских текстов города Нузи (=совр. Иорган-Тепе близ Керкука), которые также отображают диалектные различия.

В этом аспекте нужно подходить и к хурритскому языку к югу от армянских Тавров, в частности языку хурритов областей Ар(и)мэ и Шуприя. А ведь в этом „Шупритисе“ помещают греки армян, как „фригийских высленцев“, после временной локализации их в Акилисене (=арм. Экели-к „равнина“, с родит. падежом Эке-леац, совр. Эрзнкайская равнина с городом Эрзнкан, из Эризакан), resp. в Малой Армении, бывшей Хайасе (Страбон, кн. XI, гл. 12, 14).

В своей работе „Хайаса—колыбель армян“ (Ереван, 1947, стр. 209—234) я привел достаточное количество общих слов между армянским и хурритским языками. Но так как хурритский и урартский языки обнаруживают большое генетическое родство между собою, то подчас трудно бывает решить происхождение армянского слова, общего и хурритскому и урартскому языкам. Грамматических общностей между армянским и хурритским мною не замечено, что говорит в пользу того, что хурритское влияние было не столь сильным, если конечно хурриты Ариме-Шуприа имели ту же морфологию, что и жители Митанни, говорившие на языке письма Тушратты. Особенно нужно отметить множество собственных личных имен, проникших в армянский язык из хурритского.

В этой работе мне хотелось бы обобщить, уточнить и особенно дополнить все то общее, что пока можно видеть как хурритский языковой вклад в армянский. Не сомневаюсь, что в будущем эта задача будет полнее разрешена. Многие этимологии мною даются чисто теоретически, пока не выяснится точное значение и произношение данного слова. Приведем подробно эти общие лексические встречи.

1. *SAL ne-e-ra* „жена деверя“

В четвертой колонне письма Тушратты (IV,62) читается *pe-e-gi-iw-wu-û-la-an* (= *pēr-iwwu-la-an*) с детерминативом *SAL* „женщина“. В слове *pe-e-ra* первый знак фактически есть *ni*, как и стоит во всех изданиях, но Борк, имея в виду следующее гласное *e* и неприменение особого знака для *ne*, пишет не *ni-e-gi*, а *pe-e-gi*, т. е. дает фонетическое его значение, что, конечно, принимается всеми, но не пишется. Что же касается детерминатива „женщина“, то это не значит, что перед нами собственное личное имя женщины, а обыкновенное нарицательное имя женщины, как еще отметил Кнутзон, а за ним и Йензен, Мессершмидт, Борк и др.¹ Йензен предлагал в этом *ni-e-gi-ir-ri-û-la-an*, как транскрибировали раньше, часть *pēgi-* перевести „тетя“ (*Tante*).² Борк же предлагает под вопросом перевести через „спутница, рабыня“³.

Установлению точного значения этого *-pēga-* помогает нам как самый контекст, так и особенно древнеармянский язык и современные его южные диалекты.

В хурритском тексте, в „абзаце“ 58'—68' четвертой колонки, говорится о том, что Тушратта отдал свою дочь в жены египетскому фараону, как было решено (58'—59'), но в дальнейшем текст плохо понимается, хотя и хорошо сохранился. Немного более понятен текст из середины и конца. Тут речь идет о двух женщинах, как это явствует из 62-ой строки и из конца (строки 67'—68'), где говорится о Тадухепе и Бедуките. В середине читаем (62'—63'): *šipē-lla-man šata-lla-an SAL pēr-iwwu-la-an etita apsūša iša-lla-an apsušau-lla-man...* „касательно (*etita*) же (*-man*) помощи (*šata-*) двум (*šipē-*) этим (*-lla*) моим (*-iwwu-*) „нера“ женщинам он позаботился (*apsūša?*), и (*-an*) я (*iša-[š]*) о них (*-lla*) также позаботился (*apsušau-*)...“ Тут глагол *aps-* перевожу предположительно, а энклитические *-an* или *-man* („же, и; но“) без нужды повторяются. Упомянутые две „нера“ — женщины несомненно — Тадухепа, дочь Тушратты и жена Аменхотепа, и Ведукита, видимо жена Тушратты.

Разрешение вопроса об этих двух высокопоставленных женщинах в связи с *pēga-* дает древнеармянский язык, где имеется *pēg* или *pēg* со значением „жены двух братьев в отношении друг к другу“, иначе говоря „жена деверя“, но также „жена в отношении другой жены мужа“⁴. В хурритском *pēga-* последнее „а“ перед местоименной

¹ У Фридриха в *Kleinasiatische Sprachdenkmäler* это слово видимо принимается за собственное — *SAL Ni-e-gi-iw-wu-û-la-an*, что неправильно.

² См. у Мессершмидта, *Mitanni-Studien*, стр. 92.

³ *Mitanni-Bruf*, стр. 96, „Begleiterin (?), Sklavin (?)“, хотя на стр. 81 он пишет: „für meine *pēra*-Frauen“.

⁴ Это слово *pēg* употребляют и сейчас армяне из Ахалциха, Акна, Харпута, Эрзерума, Хемшина, Нахичевана на Дону, Себастии, Муфаркина и др. В северных новоармянских диалектах (Араратском, Карабахском, в Сюнии и пр.) этого слова нет.

энклитикой *-iwwu* „мой“ отпадает (*pēr-iwwu-*), как и в слове *šēpa-* „брат“ (но *šēp-iwwu* „брат мой“). Его значение следовательно будет „жена деверя“, понимая под двумя братьями царей Тушратту и Аменхотепа III.

Индоевропейцы-арменисты и в отношении этимологии арм. *pēr*, пренебрегая всеми звуковыми закономерностями и в особенности местными азианическими (хурро-урартские и др.) возможностями, насильственно предлагали связать его с праязычным (?) **jeneteri* в лице санскр. *yatar*, греч. *einatères*, лат. *janitrix*, лит. *jentere* и пр.¹, хотя Мейе арм. *pēr* ставил в скобки, видимо и сам не верил в его индоевропейское происхождение (см. его „Введение“, рус. перевод 1911 г., стр. 333, и 1938 г., стр. 392). Чувствуя всю натянутость этой этимологии, я в 1946 г. предложил арм. *pēr* связать с ликийским *pēr*, что впоследствии переводят через „сестра“ (см. мою работу „К происхождению арм. языка“, Ереван, 1946, стр. 10, прим. 1). Рад, что моя этимология арм. *pēr* на базе азианических языков теперь оправдалась вторым примером, взятым из хурритского языка, с уточнением его значения по данным армянского слова.

2. *hind-u* „серьга“

Хурритское слово *hind-u* (во множ. ч. *hintena*) известно нам из списка (=описи) даров, присланного Тушраттой Аменхотепу III (см. Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln*, Leipzig, 1915, напеч. в серии *Vorderasiatische Bibliothek*, 2). Тут конечно имеется в виду приданое принцессы Таду-Хеп. Это *hind-u* в помянутом „списке даров“ встречается несколько раз (EA 25 II 12, 31, 37) и стоит в имен. падеже аккадского языка (на *-u*) хотя само слово хурритское². Примеры: 4 *hintena hurašu* (стр. 12), 4 *hintena hurašu uhhuzu* (стр. 31), 4 *hindu hurasu* (стр. 37). Оба аккадских слова *hurašu* и *uhhuzu* нам известны и значат: первое „золото“, а второе „покрытый“, т. е. оба вместе „золотом покрытый“. Но что же значит *hind-u*? Я не читаю его перевода в помянутом месте. Нет сомнения, что оно значит „серьга“ (отметьте также их четное число „четыре“), и это опять-таки дается при помощи армянского языка. Здесь слово *gind* (или реже *gint*) значит „серьга“, так что в хурритском тексте говорится о четырех серьгах из золота и четырех серьгах, покрытых золотом. Армянское слово несомненно азианического происхождения, быть может непосредственно не взято из митанийского хурритского, а из какого-то диалекта, ибо мы ожидали бы тогда *xind* или *hind* (*x*=рус. *х*=нем.

¹ См. у Ачаряна, История арм. языка, Ереван, 1940, стр. 66; а также у А. Мейе, Введ. в сравн. изучение индоевр. языков, 1938, стр. 392.

² См. у J. Friedrich'a, *Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik*, Leipzig, 1939, стр. 3, прим. 2. Также хурритским было слово *zallawe*, но что оно значило? Изготавливался этот предмет (=украшение) из бронзы.

ch). В армянских заимствованиях из аккадского имеется большей частью соответствие начального *ḥ* армянскому *x* (реже *h*) и только два раза *ḥ* > арм. *κ* (но не *g*), как аккадск. *ḥabatu* „грабить“ (*ḥabtu* „ограбленное“) при арм. *kaput* „грабеж“, акк. (и сир.) *ḥassinu* „топор“ = арм. *kasin* („кацин“)-*id.* Индоевропейцы-арменисты арм. *gind* опять-таки хотят вывести из фиктивного праязыка, из праформы **wendha*, представленной в санск. *vandhura* „кузов экипажа“, умбрийск. *uendo* „повернутый“, др. верхн.-нем. *uindinga* „женское украшение, серьга“, как впервые предложил Лиден¹, но мои вышеприведенные факты этому противоречат.

3. *sarr-(šar-)* || *zarr-(zar-)* „раб, слуга“

В хурритских текстах из Богазкея в Турции (KUB XXV, XXVII) имеется много нарицательных слов с основами *šarri-* или *šarra-* и их производных, как *šarri*, *šarrena* (мн. ч.), *šarrihi*, *šarribina*, *šarra*, *šarrašti*, *šarrašihini* и пр., так и много собственных личных имен из Нузи с этим же словом, как *Šartešur*, *Šartilla*, *Paišar*, *Enšaru*, *Ewrišarri* и т. д., значение которого не установилось. То думали, что это есть аккадское *šarri-* „царь“, заимствованное хурритами, то считалось божественным эпитетом, ибо это *šarri-* обожествлялось, точнее имело детерминатив „бог“ (что есть скорее идеограмма), то производилось от хуррит. *šar-* „вытребовать“ и, наконец, уже в новейшее время, благодаря сумеро-хурритскому словарю из древнего Угарита, считается эквивалентом сумерск. *pat-gar-ḡa*, синонима *pat-ḡi* (*pat-ḡa*) и аккадского *šallatum*. Переводят либо через „уводимое из покоренных городов население“ (A. Gotze, *Die Appalen des Muršiliš*, Leipzig, 1933, стр. 228), либо же через „пленный“ или „раб, колон“ (*ibid.*).

По идеологии образования имена *Šartešur* „раб бога Тешупа“, *Enšaru* „раб бога“, *Ewrišarri* „раб царя“ (владельца) и др. вторят аккадским *Wardištar* „слуга богини Иштар“, *Waradteia* (ласк. от *Warad-Tešur*), *Waradkubi* „раб подземного бога Куби“ и др., заимствованным хурритами Нузи, или походят на касситские *Melešipak* = *Melemarduk* (слуга Мардука), *Melešibarru* „раб бога Шибарру“ и др. в роде арабского *Abdullah*, *Abdalmelek* и др.

В одном месте из Богазкейских хурритских текстов (KUB. XXVII, 42, II, 14'—15') говорится о боге Тешупе, почитаемом у рабов (*šarrašihini*) и царей (*ebrišihini*). В этих же текстах есть формы *šarripaša*, *šarriša*, *šarripašta* и др., перед которыми стоит детерминатив „бог“, что по-моему скорее идеограмма, обозначающая, „бог служения“ или „бог служитель“, подобно как у Тешупа были, служители бога в качестве небесных быков (^d*Hurriš*, ^d*Serriš*), или,

¹ См. его „*Armenische Studien*“, стр. 5—7. Корень этих слов обозначал мол „круглый; свернуть, оборотить“ (герм. *wenden* || *winden*), что для значения армянского *gind* „серьга“ не реально и искусственно. Названия материально-вещественных изделий у древних армян должны быть местные, древне-восточные, а не принесенные из обетованной индоевропейской прародины и языка.

напр., служанки-богини Нината и Кулитта у богини Хепит (resp. Шаушка) и т. п.

В хурритских письменных источниках из Митанни (письмо Тушратты, I, 89'--90'), из Чагар-Базара (к югу от Мардина) и северной Сирии (напр. из Рас-Шамра) имеются писания *zag-* вместо обыкновенного *šag-*, что может свидетельствовать о фонетическом *šag-* (|| *šag-*), ибо в *zag-* знак *zag* в обыкновенной клинописной аккадской графике передает также *šag*, как имеются *gaz* || *gaš*, *zip* || *šip*, *zur* || *sur*, *za* || *ša* и т. д. Эта форма *šag-* (|| *šag-*) сохранилась у армян в слове *šafa* (|| *tsafa*) „слуга, раб“, где „а“ в конце возможно арамейско-сирийское влияние. и у грузин мегрелов, где имеется измененное *čkor-i* „раб“ из старого **čog-*, сообразно образованию „децессивных“ *čk* или *čk'* (из старого *č* || *c*), *čk'* или *sk'* (из *č* || *c*), *čx* или *cx* (из *č* || *c*) и т. п.¹ Возможно, что из старомегрельской формы **čog-* имеем и производное *čort*, что у армян значит „прислужник, крепостной (с X в.), а у грузин-картов „статуя из камня“ (позднее слово, отсутствующее в древней литературе), судя по словарю Чубинова, а по словарю С. Сулхан-Орбелиани оно значит „крепостной с отрезанным одним ухом“. Мегрельское **čog-* могло быть более старым **čorg-*, ибо грузины вообще избегают двойного согласного (consonne géminée), а формы с гласным „о“ в мегрельском отражают прежние формы с „а“ (напр. картс. *kas-i* „человек“ > мегр. *koči*, картс. *dzaγli* „собака“ > мегр. *džoγoγi* и т. д.). Так что мегрельское *čkor-i* „раб“ (ср. также *Gegečkor-i* „раб Георгия“) вышло из **čog-* < **čorg-* < **šag-*, что соответствует арм. *šaf-a* и хурритскому *šag-* || *zag-* || *šag-* „раб, колон“.

4. *ašt-* „женщина; жена“

Значение этого слова „женщина, жена“ точно установлено хурритологами и налично во многих формах и производных образованиях как нарицательных, так и личных имен. Таковы: *aštiš* (имен. п.), *aštin* (вин. п.)..., как и личные имена *Ašte*, *Ašten*, *Ašleia*...; от основы *ašta-* имеем личные имена *Aštahuta*, *Aštakanza*, *Aštakina* (из документов в Нузи); ср. также *aštu(h)hi* или *ašJu(h)hi* „женский“, *aštuzzi*—род одежды. В армянском языке этому хурритскому корню *ašt-* „женщина, жена“ соответствует *ast-* в значении „жена“. Это редкое армянское слово было два раза употреблено в армянском переводе „Печать веры“ Тимофея Эйлура“ (стр. 168, изд. в Эчмнадзине в 1914 г.) в форме *ast-el* „жениться“, откуда *astol* (стр. 283) „жених“. Несомненно переводчик армянского текста происходил из южной Армении, из бывшего хурритского (аримо-шуприйского) мира. Точная форма и значение армянского слова даются в „Корневом Словаре“ Р. Ачаряна (том I, стр. 566—567).

¹ Графема *č* соответствует рус. Ч, англ. CH, нем. TSCH, а графема *c* соответствует рус. Ц, нем. Z. В звуках для *č* и *c* нет аспирации.

5. *rap-* или *rab-* „гора“

Значение его точно установлено „гора“, откуда и производные — *rapni*, *rapahhe* „горный“, но и „восточный“, что стало и географическим термином в форме *Rapahhe* или *Babaphe*. Ср. и географическое *Raphi* или *Babhi* в урартских военных надписях. В хурритском есть и личные мужские имена — *Rapante* || *Babante*, *Ar-baba* („дар горы“), *Agir-rapni* (id. ?), *Tatir-rapni*, *Zilip-rapni* и пр., а также женское имя *Paraia*. Известный ученый Иоаннес Фридрих с этим хурр. *rap-(bab-)* справедливо сравнивал урартское производное *babani* „горный“, чистую непронизводную основу которого сохранили армяне в редком слове *baba* „холм“ (по Словарию Еремии Мегринского). К хурритской же форме *rap* „гора“ по-моему принадлежат во-первых *rapr* (у писателя Матфея Эдесского), что предположительно значило „место, откуда сводят вниз“, а это думают, что было „кафедра“, что, конечно, неправильно.¹ Затем имеется частое *ar'ar'a* (= *arpharha*) „недоступные горные скалы“ с арамейским-сирийским конечным „а“ и с непонятным начальным „а“. Быть может сюда же относятся и слова *r'ar* (= *rhar*) или *r'ar'* (= *rharh*) „обрыв“ в имени села *Rhar(h)-žep* на склоне Битлисского ущелья, как имеем мегрельское *r'a-r'ala* (= *rharphala*) „обрыв, обрывистость“. Есть и арм. *r'ar* или *r'a-rar* „расселина в скалах“. Наконец, имеются и имя горы *R'amp'* (откуда *R'ambaki dzog* „ущелье Памбака“, Памбакское ущелье) и личное мужское имя *R'arak*, подобно вышеприведенным хурритским личным именам *Rapante*, *Paraia* и пр.

6. *kanzu* или *kanza* — род куста (— камыш ?)

Слово *kanzu* (*ka-an-zu-ú*) упоминается как какое-то растение с детерминативом *samtu* „растение“ в одном листе синонимов (KUB XXVII 38 iii 13), как читаем в „*Nuzi personal names* (стр. 233). Это растение несомненно было или пахучим или же стройным, ибо становится также женским именем, как это явствует из тех же Нузийских документов. Здесь имеются: *Qanzu*, *Kanzaia* (ласкат. имя), *Naširqanzu*, *Qanzusalla* („Канзу-девочка“), *Allaiqanza* („сударыня-канза“), *Aštaqanza* („женщина-канза“) и пр. Семасиологически сравнить женские имена у нас на востоке, как *Salbi*, *Fidan* и пр. в связи со стройностью, или *Sužan*, *Manužak*, *Jasmik* и пр. в связи с пахучестью этих растений. Хурритское слово *kanzu* или *kanza*, в которых начальное *k || q* не аспированный согласный, в армянском фонетически было бы представлено в виде **kanč* (**հանճ*) или **kanç* (**հանժ*). Но в армянском имеется только производное от этого корня слово *kančox* или *kandžux* со значением „трост, посох“, где последняя часть есть

¹ Это *rapr* несомненно развилось из прежнего *rap*. В армянском *rapr* вместо *rapr*, употребляется только раз у М. Эдесского: «Սրբր և րրրր հանխիւր քնկեղին զնա և պանդին և մեջ րազմարտի խոխային» (См. *Արմ. րառ.*, V. стр. 833).

известный хурро-урартский суффикс *-uḫi* (— *-ux*), обозначающий прилагательные притяжательности (принадлежности), как *ašt-uḫi* „женский“, *duḡuḫi* „мужской“..., урартс. *Wiḫiruḫi* „Вихирский“, *Welikuḫi* „Великий“, *Urmeniḫi* „Урменийский“ (Орменийский), *Etiḫi* „Этийский“ и пр. Хурритское слово *kanzu* или *kanza*, как указывает армянское производное *kandžux* (|| *kančux*) „трост, посох“, собств. „тростниковый (предмет)“, несомненно значило „камыш, тростник“ и все женские имена хурритов с этим корнем *kanz-* указывают на стройность, на сравнение женской грации со стройностью тростника. Между прочим имя „камыш, тростник“ образует в языках не только слова со значениями „стройный“, „дудка, свирель“, „посох, трост“, но и „стрела“, как на это указывает перс. *paī*=арм. *pet* „стрела“ (из староиранс. *padu*); урартс. *šuri* „стрела“ = арм. *šuarḡ* „камыш“ и пр.¹

7. *tuldi*—род растения

Это слово также растительного мира, имеет спереди детерминатив или идеограмму *šammu* „растение“ (*šam tuldi*), с объяснением, что оно растет в стране Шуприа (*ina Šubari* „в Шубари“). Было и женское имя *Duldu*, но и мужское имя *Duiduqqa* (|| *Tuldukka*), — см. NPN, стр. 268. Нет сомнения, что „растение *tuldi*“ соименно с армянским *tult* (*տւլտ*), что существует и в современных диалектах в значении *althaea pallida* WK (см. Р. Ачарян, Корневой Словарь, VI, стр. 971). Грузинское *tuxti* „mauve rose, althée ordinaire“ (*ibid.*, стр. 972), как справедливо указывает Ачарян, заимствовано с армянского, ибо груз. *tuxti* вместо *tuḡti* (*tuḡdi*) передает средневековое (9—11 в.) и новое армянское произношение *tuḡt* (*tuḡd*) вместо древнего *tult*, с изменением древнего *l* (сонант, вроде русск. *лз*) в новый фрикатив *γ*.

8. *ḫinzur* „яблоко“

Это хурритское слово известно нам в разных формах как нарицательное имя в хеттском архиве из Богазкея—*ḫinzurilaš*, *ḫinzurulaeš*, *ḫinzurinna*, *ḫinzuruganna*, затем из раскопок в Мари (Тел-Харир у впадения в Ефрат притока Хабур) в форме *ḫinzuruš* (см. NPN, стр. 217). Наконец это слово фигурирует уже в качестве собственного женского имени из раскопок в Нузи в формах—*ḫinzurana* (ласкат.) и *ḫinzuri*, хотя упоминается еще *ḫinzuri* как имя месяца (*ibid.*). Значения этого *ḫinzur* хурритологами не дается, но нет никакого сомнения, что оно обозначало „яблоко“, как это имеется в армянском соименном *хəndzor* „яблоко“. Это общеармянское слово в средних веках служило и собственным именем женщины в формах

¹ См. мою статью „О концептуально-идеологической стороне некоторых урартских слов и выражений“, напеч. в *Archiv Orientalni*, посвященной 70-летию Fr. Hrozny („Symbolae Hrozny“, t. 1949, 360—373).

Хэндзор и Хэндзорик (уменьш.), как видим в „Словаре личных армянских имен“ Р. Ачаряна (II, стр. 515). В одно время армянское хэндзор хотели было считать заимствованным из сирийского *hazzūra* „яблоко“, хотя Гюбшман принимал обратное заимствование (сирийское с армянского). Теперь же, как видим, точно устанавливается происхождение армянского слова.

9. *Pat*—какое-то мифическое человекоподобное существо

Такое приблизительное определение хурр. *Pai*, входящего в состав многих личных имен, дается мною на основании однозвучного древнеармянского *raġ*, что обозначает некое мифическое существо, происшедшее из человека и пасущееся с дикими животными. Это воображаемое существо имеет как будто и генетическое отношение к козлам и оленям, на подобие грекоримскому пану или фавну. В хурритских личных именах имеются следующие мужские имена: *Pai-šarri* „Пай-служитель“, *Pai-tesup* „Пай бога Тешупа“, *Pai-šina* (|| *Pai-zani*) „Пай бога Сина“, *Pai-tilla* „Пай бога Тилла“, *Paikku* (ср., арм. *raġik* с тем же значением *raġ*). *Pai(k)-gerhe* (= ?), *Paip-purpi* „Пай-служитель“ (с касситским *purp* „служитель“, ср. урартское *pur(a)*- „слуга, раб“), что дается и в обратном сложении *Purpa-raia* с тем же значением, как влияние касситского мира (NPN 242, 247). Мы знаем, что, напр., бог Тешуп имел у себя служителей-богов в лице быков *Ḫurri* и *Šerri*. Знаем также, что у известной богини Шаушка (Хепит) были богини-служанки Кулитта и Нинатта. Известны также вестовые у богов в виде птиц (орел, анст, ворона) или обожествленной радуги Ириды у греков и т. п. Так что возможна была такая же роль на ближнем востоке этих человекокозлиных паев у богов Тешупа, Сина и Тилла. Не исключается переосмысление заимствованного русского слова „чорт“, как служителя подземного бога, в связи с армяно-грузинским *soḡi* „слуга, прислужник, крепостной“. Следовательно нет препятствий, чтобы мифическое существо „пай“ стало прислужником богов.

В армянском есть и имя мифического существа *Paġari-s* (род. п. *Paġareaj*) с эпитетом *k'aġeaj* „козлий“ (М. Хоренский, кн. I, гл. 14), в котором суффикс *-ari* такого же происхождения, как и в хурритских личных именах *Anipari*, *Umbipari*, *Waḡgari* и др. (NPN 201).

10. *Tiranna*—обожествленная радуга

Слово это шумерского происхождения; имеются личные имена, сложенные с ним из Ниппура и Сузы, а в хурритских именах из Нузы зарегистрировано только имя *Ag-tiranna* „Дар-Тиранны“ (NPN № 267). Пишется *ṭig-an-pa*, что, видимо, эквивалентно урартскому имени бога *ṭurani* в надписи на „Мхеровских воротах“ у Вана.

Мне думается, что *tiranna* „радуга“ было распространенным

словом также у северных хурритов и в частности на верховьях Тигра, в местностях Ариме и Шуприа, откуда и вошло в несколько измененном виде (çigan- || çigan-) и значении в армянский и грузинский языки.

Имея в виду, что древнее согласное *t* зачастую в армянском позже меняется на *ç* (*ts*), как хетт. *tubhūis* „дым“ > арм. *çux* (*id*), имя города *Tūros* > арм. *Çur*, *trorim* > *çrorim* „разлагаюсь“, *tatanim* > *çaçanīm* „колыхаюсь, колеблюсь“, *keft* „грязь“ > *keļç* „нечистый, фальшивый“, *hə-part* „горделивый“ и *paçim* „горжусь“ и пр., не говоря о сродном переходе *t' > ç* (*t'orim* > *çorim* „сочусь“, *t'ek'em* > *çek'em* „наклоняю“ и пр.), я предлагаю в армянском *çigan* „красно-желтый, багряновый, золотистый, пурпурный (море), синий (голубой), фиолетовый“ видеть производное прилагательное с суф.-*i* (ср. *jur* „вода“ — *īegī* „водяной“, *ał* „соль“ — *ałi* „соляной“, *erkat'* „железо“ — *erkat'i* „железный“ и пр.) от некоего **çigan* „радуга“, а не от арм. *çigan* „абрикос“, как предлагает проф. Р. Ачарян (см. его Корн. Словарь, III, стр. 782). Армянское *çigan* и груз. *çegam* „абрикос“ не имеют отношения к интересующему нас слову *çigan*, в котором как будто представлены все цвета радуги, никак не могущие развиться от одного оранжевого цвета абрикоса. И не напрасно современные армяне Константинополя, Ново-Нахичевана и Асланбека под названием *Çiganı gōti* понимают радугу (дословно „радужный пояс“). К счастью это **çigan* „радуга“ сохранилась и у грузин (*via armeniasa* ?) в слове *çigapo* „орбита (круг) вокруг луны“ (по Чубинову) как арм. *ciacap* значит „радуга“, но и „орбита вокруг луны“. Следовательно груз. *çigapo* первично обозначало „радуга“. Армяне отобразили цвета радуги, а грузины ее дугообразность.

11. *Hašuntarhi* — имя бога

Это собственное имя бога и упоминается в Богазкейских текстах вместе с хурритскими другими божественными именами *Piša(i)-šarhi*, *Tarpantuhi*, *Suru(h)hi*, и др., которые являются обожествлением (деификацией) растительных имен, подобно тому как *Bitenhi* стало обожествлением воды, от основы *witen-* из *watar* „вода“, как имеет-ся в хеттском языке (имен. п. *watar*, род. п. *witenaš* или *wetenaš*, твор. п. *wetenit* и т. д.), т. е. хурризованное имя бога *Bitenhi* (= *Witenhi*) формально и по значению адекватно русскому „водяной“. О суффиксе *-uhi* или *-hi* я уже говорил выше. Следовательно в имени бога *Hašuntarhi* нас должна интересовать основа *hašuntar-*, что неотделимо от армянского нарицательного *hašəndel* (*հաշնդեղ*) „ревень, *rheuim*“, как растения, применяемого при родах и запоре. По образованию, как сложное слово, и по форме армянское слово *hašəndel* так относится к хурритскому *hašuntar-*, как армянское *çakəndel* „свекла“ к персидскому *čugundar*, афганскому *čugundar* и пр., причем грузинская форма *çakundela* и эти иранские *čugundar* проф. Р. Ача-

рян готов был считать заимствованными с армянского, ибо в последнем есть и простое (без *-del*) *čakən* с тем же значением. Второй компонент *del* в армянском значит „злак, трава“, как и „яд, отрава“ (ср. *del-el* „отравить“, как русское *трав*а—*отрав*ить), что полностью соответствует иранскому *dar* в именах *čavdar* „рожь“, *gendumdar* „пшеница“ и гр. Хурритская форма *hašuntar* показывает, что все эти злаки с элементом *-tar* или *-dar* первичны, а в армянских *hašəndel*, *čakəndel*, *kapəndel* (из *kapundar*?) „*ligusticum levisticum*“ и т. д. второй элемент *-del* есть народно этимологизированная новая форма из общего *-dar* (по Ачаряну). Хурритское *hašuntar* может указать на азиатический, а не иранский источник всех этих имен злаков.

Хурритское имя бога *Tarantuhī* я также вывожу из растительного мира. Если отбросить его суффикс *-uhī*, то основа *tarpant-* неотделима от греческого *terebinthos*, известного дерева-куста, из разрезов которого сочится терпентин, т. е. жидкость „скипидар“, почитавшийся в Сирии и, как видим, у хурритов. Скипидаром терли свое тело от холода и солдаты Ксенофона, когда они проходили по Большой и Малой Армении, близ страны халибов („Анабазис“, кн. IV, гл. 4, §§ 12—14). По своему происхождению греческое *terebinthos* своим суффиксом *-inthos*, как и слова *labyrinthos*, *Korinthos* и пр., выдает свое малоазийское происхождение, подобно многочисленным греческим именам богов. Хурритское имя бога *Suru(h)hī* я сопоставляю с именем отборного *черного* винограда *sorek* (еврейское слово), что близко созвучно с армянским диалектическим *sorok* (в Нор Баязете) или *sorekh* (в Буланыхе), означающим растение с узкими и длинными листьями, желтыми цветками и *черными* зернами, из которых добывается терпкое масло (см. С. Аматауни, *Нajoc bar* и *ban*, стр. 508 при слове *šalki*).

12. *hurr-* „хуррит, хор“

Племенное имя хурритов писалось по разному: *hur-ri* или *hu-ur-ra*, как и имя бога *Hu-u-ur-ra*, *hurruhe* „хурритский“, *hurla-* „хуррит“, *Hurlaša*—имя бога, *hurlili* „по хурритски“ и пр. Ср. библейское *hurī* и греческое *χουρριτοι* „хурриты“ при арм. *Xor* (= внук или сын Хайка). Но как было сказано, в армянском было и нарицательное слово *xoř* „скупой“, что раз употреблено у писателя XIII века Василиа Чона (см. его „Толкование евангелия по Марку“, Константинополь, 1826, стр. 81), что обнаружил проф. Р. Ачарян. Я этимологизирую это слово от имени хорритов (т. е. хурритов), как часто случается с именами племен: ср. груз. *gmigi* „герой“ (от имени киммеров, ассир. *gimigrai*), арм. *ska* „великан“ (от имени саков-скифов), груз. *kerketi* „стройный“ (от *kerket-* „черкес“), арм. *parthev* „стройный“ (от имени парфян) и т. п. Армянскому звуку *ř* в слове *xoř* соответствует клинописное *rr* (два графических *r*) слова *hurri*, как и в соответствии арм. *čařa* (*tšařa*) хурритскому *zarr-*. Возможно, что это клинописное два *rr* писалось вместо одного твердого (раскатистого) *ř*.

13. *Šauška* или *Šawuška* — известная богиня

Эта известная богиня хурритов равна по положению семитической Иштар, напр., в письме Тушратты (III, 96)—URU Ni-i-pu-a-a-we *Ša-uš-ka-a-a-we* „города Ниневии богини Шаушка“ (род. п.), т. е. говорится о Ниневийской Иштар. Даже пишется *ŠES-DAR-pu-uš-ga*, где последние фонетически написанные звуки отражают (*Ša*)-*wuška* с идеограммой Иштар. В угаритских документах согласными написано *Susk* или *Swsk*, рядом с *Ḥrt-d* „к Хепит, для Хепит“. Если Хепит властвует в Малой Азии (особенно у хеттов), в Северной Месопотамии и даже южнее, то Шаушка упоминается в Митанни, Угарите, т. е. у хурритов этих стран. Несомненно она была почитаема и южнее территории исторической Армении, т. е. возможно на верховьях Тигра в областях Ариме и Шуприа, подобно употреблению *zagg-* (а не *šagg*) „раб“ в тех же областях. Отголоском почитания в этих местах богини *Šauška* я вижу в значении армянского глагола *žošk-el* „жеманиться, кривляться, рисоваться“, *žošk-aps arnel* „жеманство или кривляние делать“, что проф. Р. Ачарян напрасно исправляет в *žošk-aps* (см. его „Корн. Словарь“, V, 401), особенно если иметь в виду у Еремии Мегринского *žošk-eal* или *šušk-eal* „провозглашенный“ (армянские писания *շողակեալ* или *շուղակեալ* — описки). Это показывает, что нужно писать *žošk-aps* (а не *žošk-aps*), как правильно дается в армянском Ручном Словаре. Эти редкие слова приводятся в армянских переводах из Иоанна Златоуста и Филона еврея. В греческом переводе из речей последнего имеем *εὔχαλλωπιζομαι* „рисуюсь, чванюсь“, на месте армянского *žošk-aps arnel*. Мне думается, что армянский глагол *žošk-el* (откуда имя *sosak-apk'*) „кривляться, рисоваться, чваниться“ есть отображение черт образа богини Шаушка, которая в представлении древних имеет те же стороны или проявления, как и Хепит (*Ḥepit*), от имени которой сохранилась у армян же *ḥepit* (чаще *ḥēpit* из **ḥēppit*) „проказница, кривляка, искушительница, наряженная“, откуда глагол *ḥēpt-im* или *ḥēpt-im* „наряжаюсь, искушаю“ и т. п. Богиня Хепит вошла в Армению вероятно через государство Хайаса, в пантеоне которого она фигурирует идеографически („Иштар“). Вошедшее же с юга Шаушка у армян преобразилось в нарицательное *žošk-el* или *šušk-el* вместо первичного **žošk-el* или **šušk-el*, изменившегося под влиянием многих слов с суффиксом *-ak*. Слово это не может быть и звукоподражательным, как видно из его значения „жеманиться, кривляться, рисоваться“.

14. *Santa(l)lu(q)an* — имя бога

В хурритских текстах из Богазкея имеется божество *Santaluq-an* (KUB, XXVII 1 ii 26) или *Sandallugan*, что в форме *Santalluk* известно и из документов в Нузи как личное мужское имя. Как пра-

вильно замечают ученые, это слово произведено от имени известного божества Santa или Sanda с суффиксом -(a)lluk или -(a)luk, что имеется и в личных именах из Нузи—Nutalluk, Timaluk (ср. Ar-timaluk). Божество Santa, в греческой передаче Sandon, было могучим богом южной Малой Азии, подобно вавилонскому Мардуку. Сравнивали и с индоиранским Varthragna (>арм. Vahagn), и нужно думать, что в функции этого Santa у хурритов входила и молния с грозой, что входило в функции и Тешупа. Как впервые заметили Jensen (см. в арм. журнале *Handēs amsōreay*, 1904, стр. 184) и Roth¹ (ibid., 1927, стр. 744), имя этого Sandon, как божества воздуха и особенно молнии, нужно отождествить с армянским нарицательным словом *sant* 'молния' (пишется и *šand*). Но по-моему это божество Sandon, т. е. древнее хурритское Santa, не есть обожествление первоначального имени *šant* 'молния', а скорее это армянское слово есть отображение главной функции древнейшего хурритского бога Santa или Sanda. Подобное же явление мы видим и в имени армянского женского божества Covinag или Covian, что буквально значит 'моря богиня' (nag 'богиня реки, нимфа', an 'бог'), фигурирующее и как личное женское имя. Но в некоторых армянских диалектах это слово сейчас понимается только в значении 'молния'.

От южных и юго-западных хурритов к армянам проникли не только Sauška, Santa, Tarku (= армянское Tork', почитавшееся в провинции Angelenē, арм. Angel-tun)¹, но вероятно и хурритское божество Nupatik, которое как будто связывалось с почитанием гор, судя по имени армянской горы Npat (*Նպատ*), близ Алашкерта (в Турции)², на склоне которой построен знаменитый армянский монастырь Багаван ('обитель бога'), у турок 'Уч-килисе' (= три церкви), вероятно на месте языческого храма.

Что же касается перехода собственного имени бога в его атрибут, то помимо приведенного арм. Covinag (Covian) 'богиня моря', но и 'молния', Sauška и арм. *šoşak-el* 'рисоваться, жеманиться, кривляться', *Herit* и арм. *hərit* 'кривляка, наряженная, соблазнительница, ряженная', я бы указал и на фригийское имя бога Аттиса (Attis, но и Attin), который оскотил себя от преследований Кибелы, в связи с чем есть и арм. *at'in-eal* 'лишенный мужества, импотент' от некоего глагола *at'in-el*. Затем от имени иранского бога Mithra (индийск. Mitra) имеем заимствованное арм. *amehi* 'буйный', соответствующее староиранскому *hammitria* с тем же значением. Наконец,

¹ Мне думается, что бог Торк из города Ангел проник к армянам из Киликии и вообще с юго-запада Армении. Писание *Տուրք* в некоторых рукописях М. Хоренского возможно извращено переписчиками из *Տարք* (т. е. буква ш превратилась в п), что очень часто происходит, хотя есть и греческая форма *Τροχιαρις*, как местность в Киликии. В хеттском даются две формы Tarku, Tarhu. В ликийском *itq* значит вообще 'бог'.

² Были и горы *Нифат* против горного хребта Загрос.

укажем на хеттский глагол *tarku-* „беситься, буйствовать, танцевать“ (‘rage, be furious, be mad; dance’, см. E. Sturtevant, Suppl. to Hitt. Gloss., Philadelphia, 1933, стр. 42) от имени известного бога *Tarku*. Ср. „паника“ от имени бога *Пан*. Оставляю подобные семасиологические переходы из собственных имен людей в нарицательные, как —царь (кесарь, цесарь), король, хулиган, монпасье и др.

15. *puh-* „менять“

Хурритский глагол *puh-*, как точно установлено, значил „менять“ и вероятно произносился *p'ox-* (= *phox-*), т. е. с гласным „о“, подобно арм. *p'ox-el* „менять“. Хурритский этот корень известен как в нарицательных словах *pu-ú-hu*, *puhizzaru*, *puhukara* с частью *-kara* (как имеются в письме Тушратты *tadukara-*, *piddukar-*, *agukar-* глагольные образования), так и в Нузийских личных именах — *Puhi*, *Puhišepni* или *Puḫašepni* („заменитель брата“), жен. имя *Puhumepni* „заменительница невесты“ (?) и т. д. И сейчас у нас на востоке существует обычай, после смерти какого-либо, новорожденному дать имя *Badal* („заменяющий“), что, как явление, существовало, как видим, за пятнадцать веков до н. э. Хотя и существует ассировавилонское (аккадское) слово *pūhu* „менять“, этимология которого нам неизвестна, однако армянское *p'ox-el* „менять“ скорее нужно считать перенятым непосредственно от хурритов Ариме-Шуприа, чем из аккадского языка, как полагает проф. Ачарян (Корн. Слов., VII, стр. 189).

16. *pal-* „выпросить, просить“

Этот глагол част в письме Тушратты со значением „просить, выпросить“ (невесту). В Угаритском сумеро-хурритском словаре *palī-ḫi* переводится однако таким сумерским словом, которое эквивалентно акк. *iqbi* „он сказал“. Мне думается, что значение „выпросить“ будет более правильным, как переводили Мессершмидт, Борг и др. Я имею в виду также арм. глагол *pał-at-el* „умолять, просить“, где суф. *-at* применен для усиления, подобно как имеем *kətr-el* „резать“ и *kətr-at-el* „часто резать, разрезать“.

17. *pali* или *pāla* „ложь, извращение“

Значение этого хурритского слова точно установлено всеми хурритологами (Мессершмидт, Фридрих, Спейсер и др.) как антоним к слову *urhe-* „правда, истина“, что особенно явствует из одного места письма Тушратты (II, 106):... *urhep pala gulia-ma, pali-maṣ urḫa gulia-ma* „(если) правду за ложь не (-ma) говорит, а (-maṣ) ложь за правду не (-ma) говорит“. Значение *ṣ'pal-* „ложь“ могло первоначально означать как „извращение“, и этимологически я бы сопоставил его с арм. *bał-ajk'* (мн. ч.) „кляуза, ложное обвинение“, с глаго-

лом *bał(a)bał-el* „ложно обосновать, обвинять“, откуда *bałbał-ajk'* или *bałbał-ank'* = *bał-ajk'*, где основа *bał-aj-*. Единственное препятствие в сопоставлении арм. *bał-* с хурр. *pal-* чисто фонетическое, ибо хурр. „р“ в армянском сохраняется (ср. хурр. *rap-* или *rab-* „гора“ и арм. *ar'ar'a*, *P'aršēn* и пр., см. выше). Но может быть армянская форма произошла из какой-то диалектической среды, где произносили *bał-* вместо *pal-*, как это мы видели и на примере хурр. *rap-* или *rab-* „гора“ при армянском *baša* „холм“, сохраненном армянским лексикографом Еремией Мегринским. Конечно не исключается и урартское опосредствование, через которое тот же Е. Мегринский сохранил с опиской арм. *Մեղաբ* (*Mełard*) „луна“ вместо правильного урартского *Մեղար* (*Sełard*), что клинописно, в надписи на дверях Мхера близ Вана, передано **Sełardi*, а в параллельном тексте идеографически через **SIN* (= луна). Армянские лексикографы (Мхитаристы, Ачарян) хотят арм. *bał-aj-k'* связать с арм. преф. *bał* „со, вместе“ (т. е. *bał-aj-k'* „сплетни, кляуза“, из первичного мол значения „сочетания, сплетения“ и т. д.), существующем и в виде *p'al-*. Сам же корень *bał-* выводится из названия вьющегося растения *bałēln*, с чем связывается и глагол *z-bał-im* „занимаюсь, резвлюсь“.

18. *šir-* „приятный“ или „приятность“

Этот корень представлен в форме *širan* (вин. п.) в письме Тушратты (III, 14), *širēppan* (III, 34), *širašše* (IV, 33) и пр. Для последнего примера читаем: *aštin sēniwwue arišau šēniwwuenien tišanna širašše* „жену (в жены) брату моему я дал, (как) брата моего сердца приятность“ (см. также Е. Speiser, *Introd. to Hurrian*, стр. 117, с переводом *širašše* „pleasing“). Формы на *-še* (или *-šše*) в хурритском и урартском показывают отвлеченные имена, как, напр., хурр. *erwišše* „повинность господину“ (от *erwi* > *erwi* „господин“), *damkarši* „коммерция“..., урартс. *rišuse* „радость“, *ištaše* „слава“, *alsuiše* „величие“ и пр. С хурритским корнем *šir-* я сравниваю арм. *sēr* „любовь“, *siṛ-em* „люблю“. В хурритском для понятия „любить“ есть корень *tat-* или *tad-*, с которым, быть может, стоит в связи арм. мужское имя *Tat'ul* „возлюбленный“ (?), с хур. суффиксом *-ul*, как в именах *Gilgamīšul*, *Sinul* и пр. (ср. и арм. имя *Garjul* из рода Хорхоруни).

19. *paš(š)-* „посылать“

От этого обыкновенного хурритского глагола имеются и производные образования, как *pašithi* „посланник“, *paš(š)ag-* „послать“ (*pašagiwaen* или *paššagiwaen* „может не послать“ при *paššia-ma* „не посылает“) и пр. Быть может арм. *pašag* „съестное на дорогу“ (ср. груз. *sagzali* „съестное на дорогу“ от *gza* „дорога“) произошло от хурр. *paš(š)ag-*, где *-ag* является таким же суффиксом, как и в ар-

мянском *satar* „пособник“ (*satar-el* „пособить“), *xangar-el* „помешать, повредить“, *xat'ar-el* „испортить“ и пр. В армянском есть и чисто арм. суф. -ar в глаголах, что произошло из арм. глагольного корня *ar-* „делать“ (*aṭ-p-el* „делать“, *ar-ar-i* „я сделал“) как *zard-ar-el* „украшать“, *meṣ-ar-el* „возвеличить“ и пр. от *zard* „украшение“, *meṣ* „большой“ и т. п.

20. *šalardi* „ветвь, ветка“ (?)

В хурритских надписях из Мари приводятся слова *sindi šalardi* (см. E. Speiser, *Introduction to Hurrian*, стр. 27), из которых первое *sindi* (пишется *ši-in-di*) значит „семь“. Имеются и писания *šinda* и *sitta* „семь“, как переводят Potratz, Friedrich, Brandenstein (см. у Speiser'a, там же стр. 82). Но что значит хурритское *šalard-*, оставляемый всеми без перевода. Мне думается, что это слово значит „ветвь, ветка“, имея в виду арм. *saṭard* или *saṭart'* „ветвь с листьями, лист“. В армянском есть и два других слова с суффиксом -ard, каковые также нужно считать хурритскими заимствованиями. Это — *ma-kard* „закваска“ и *t'akard* „западня“. Быть может к ним нужно прибавить и арм. *xaṭawart* или *xaṭwart* „опухоль“, где окончание -art, а не -ard. В хурритском имеются многие слова с этой частицей (-ard || -art), как *attardi* „свадебный дар для отца“, *elardi* „дар для сестры“, *zugettartiaš* и пр. Это -ard или -art хотели сопоставить с урартским *ardiše* с предполагаемым значением „дар, приношения“, имея в виду глагол *ar-* „давать“, наличный в хурритском и урартском (ср. также арм. *j-ar-im* „придаюсь, примыкаю“ с преф. *j<i>*). Но А. Gotze предлагает в этом хурритском -ard видеть простой суффикс для отвлеченных предметов (см. у Speiser'a стр. 203). Армянские *saṭard*, *ma-kard* и *t'akard* имеют, однако, не отвлеченные понятия, а скорее означают конкретные понятия для разных вещей, так что суф. -ard как раз и придает словам такое значение. Как видим, армяне заимствовали хурритские имена с суффиксами -ard (о хурр. суф. -ar см. ниже при слове *kirai* „длинный“). В урартском языке возможно этот суф. -ard наличествует в именах богов — **Selardi* и **Sinuirdi*, представленных в сакральной надписи на „Мхеровских воротах“.

21. *kirai* „длинный“

Хурритское *kirai* или *kerai* значит „длинный“, судя по сумеро-хурритскому словарю (IV, 28). Конечное -ai, что в других случаях пишется чаще -ae, образует прилагательные и наречия, как, напр., *piṭae* „легкий“, *raṭiṭae* „хороший“, *tubue* „сильный“ и пр. (см. у Speiser'a, стр. 118—119). От корня *kir-(ai)* || *ker-(ai)* имеем и другие производные — *kiraše* || *kerāše* „длина“, *kirar-* (с суф. -ar) в формах *kirara*, *kirariaš*, *kirarīnna*, *kirarīnnilam* и др. (см. NPN, стр. 225). Для суф. -ar имеются глагольные дериваты *hašarīnni* от глагола *haš-* „слышать“, *tatarae* от *tat-*

„любить“, $ra\check{s}(\check{s})a\check{g}iwaen$ „да не пошлет“ от $ra\check{s}$ - „посылать“, $urba\check{r}i\check{n}i$ „режущий“ (мясник) от $urb-$, существующем в $urbumma$ (с акк. $er\check{e}\check{s}u$ „делать“, т. е. $urbumma$ $er\check{e}\check{s}u$ „содрать кожу“ > „зарезать“), при урартском $^{10}urbika\check{s}e$ „режущий, закалывающий“ (жрец), $urbulini$ „они зарезали то“. В документах из Нузи имеются имена с $kerag$, как, напр., $Kerag-Te\check{s}ur$, $Kerag-Tilla$. По-моему, армянские $erka\check{r}$ и $erka\check{r}i$ „длинный“ неотделимы по происхождению от хурр. корня $ki\check{r}$ - или $ke\check{r}$ - „длинный“. Быть может, вышеприведенные хурритские слова произносились $krai$, $krai$, $krai\check{s}e$ и пр., ибо в клинописной графике два начальных согласных иначе и не могли быть переданы. Метатеза же в армянском $kr > rk$ — обыкновенное явление (всякое послесогласное r перескакивает вперед), так что $krai$ стало $rka\check{r}$, с протетическим „е“, ибо армяне с двух согласных, да еще с начальным r ($rka\check{r}$) не могли произносить. Есть и мегрельское $rikali$ „длинный“, что быть может взято с арм. древнего $*rka\check{r}$, хотя возможен и иной путь проникновения. Менее походит для арм. $erka\check{r}$ и $erka\check{r}i$ „длинный“ этимология их с аккадским $'rk$ „удлинять“, $'arku$ „длинный“, ибо в аккадском „к“ нужно видеть аспират kh , что армяне в своих заимствованиях с аккадского всегда сохраняют (= арм. $k = kh$).

22. $ewri$ „господин“

Упоминается это хурритское слово в документах из Богазкея, в письме Тушратты и в одной иероглифической „хеттской“ надписи из Каргемиша в форме $i\check{w}ri\check{n}a$ „принц“. В таблицах из Нузи большей частью наше слово представлено метатезированно — $er\check{w}i$. Но нормальное $ewri$ „господин“ существует и в урартском языке в частом выражении dHaldie $ewrie$ „Халду господу“, а раз и dHaldie $ewrie-ukie$ „Халду господу моему“. Нет сомнения, что это хурро-урартское $ewri$ вошло и в армянский язык в форме $awri$ — того же значения в сложном $awri-ord$ ($awri-ord$) „дитя господина“, позже „барыня, барышня“. Есть и арм. $awtear$ или чаще $orear$, а раз и $awteap\check{r}$ (мн. ч.) „господа“. Н. Марр переводил как „знать“, а Н. Адонц как „княжеская дружина“. Есть и сложные — $azatorear$, $awagorear$, $\check{s}a\check{r}ajorear$ и пр., что дало повод армянским монахам-мхитаристам и проф. Ачаряну (Корн. Слов.) переводить это $orear$ через „люди“. Если первые сложения действительно говорят о „свободных господах“, „старших господах“, то $\check{s}a\check{r}ajorear$ означает „слуги-господа“, т. е. слуги (рабы), сделавшиеся господами.

Армянское $awri$ своим начальным „а“ при хурро-урартском „е“ отражает общую тенденцию североармянских диалектов к той же альтернации Ср., например, не только $ewri$ || $awri$, но и хурр. ep „бог“ при арм. ap „бог“ (в диалектном слове $Covia\check{n}$ „бог моря“, $Ap-berd$ „Бога крепость“) и пр., но и Er || Ara „бог Ара“, $Eriza$ || $Ariza$ (имя города, первично „поселение“), $Erwand$ || $Arwand$ || $Orwond$ (имя мужчины), $Erasx$ || $Araks$ (имя реки), $erag$ || $arag$ „быстрый“ и пр. Такая

же альтернация в начале слова происходит и перед твердым *l* (напр. *eḷinj* || *aṭinj* „крапива“, *eḷtiwr* || *aḷtiwr* „лужа“, *eḷbaṛ* || *aḷbaṛ* „брат“ и т. д.). Подробнее см. мою работу в „Вестнике древней истории“ 1945 г. № 3, стр. 10—13.

23. *tiwe* „слово; вещь“

Слово *tiwe* (мн. ч. *tiwepa*) может терять свою тематическую гласную „e“, как, например, в соединениях *tiwi(w)wan*, *tiwallan*, *tiwāt-tan* (см. у Speiser'a цит. раб., стр. 226—227), подобно такому же явлению со словами *pega* „жена деверя“ и *ṣepa* „брат“, становящимися в сложениях *peg-* и *ṣep-*. Основное значение *tiwe* „слово“, т. е. корневое *tiw-* значило несомненно „говорить“. Если теоретически возможна была альтернация форм *tiw-* || *tow-* в хурритском или в родных диалектах, то разновидность их *tow-* „говорить“ я могу видеть в древнеармянском повторе *t'ot'ovem* „лепечу, говорю отрывисто“ и его простом виде *t'ovem* „очаровываю, обвораживаю“. Семасиологически ср. русс. *говорить* и *заговорить*, хеттс. *uttar* или *uddar* (род. п. *uddapaš*) „слово, дело, магическое изречение“ и глагол *uttania-* „ворожить, колдовать“, старослав. *гадать* „говорить“ и „гадать судьбу“, *обаять*, „говорить, разговорить“ и „очаровать, обворожить“, латинс. *ago* „говорю“ и *oraculum* „пророчество, заповедь“, латин. *cantō* „пою“ и англ. *incantation* „чары, колдовство“ и т. д. Проф. Р. Ачарян арм. *t'ov-* „говорить (отрывисто), очаровать“ этимологически хочет связать с индоиранским древним *stu-* „хвалить“ (савск. *stu-*, авест. *stav-*, *stu-*), в религиозном смысле „хвалить-благословить“ и пр., возводя все эти формы (арм. *t'ov-* и индоиран. *stu-*) к индоевропейскому праязычному **tou-* (см. Корн. Слов. II, 1281—1282), что более чем сомнительно, ибо других индоевропейских представителей этого *stou* || *stu-* нет, а армянский *tov-* (*tow-*) не может быть заимствованием из этого индоиранского мира ни по форме, ни по значению. Хурритское происхождение армянского слова более чем возможно, особенно если оправдается чередование *tiw-* || *tow-*.

Нет сомнения, что хурритских (субарийских) слов сохранилось в армянском больше, чем вышеприведенные два десятка. Невыясненность их значения пока не дает возможности сравнения с армянскими. Тем не менее для некоторых хурр. слов я предлагаю следующие значения и этимологии.

Потенциально, напр., я бы дал хурритскому глаголу *ḥai-* значение „смотреть“, имея в виду др.-арм. *ḥaj-ṭm* „смотрю“ (ср. сасунское *ḥaj-p-aḷ* „смотреть, взглянуть“ с аористом *ḥaj-s-a* „я посмотрел“). Хурритское предложение в письме Тушратты (III, 30)... *ṣukkanṣi eseni ḥaienilap ṣeniwwuṣ* я бы перевел „на далекое небо да взглянет мой брат“ (чтобы снарядить посольство, как явствует из следующих строк).

Или, напр., очень распространенное хурр. слово *gelu* (|| *kelu-*) от

корня *gel-* || *kel-* переводят „благополучный“, имея в виду *gelti* (*kelti*) „благополучие“, как хурритскую замену аккадского *sulmu*, *šulmanu*, *šullamu*. Но ведь может же хурр. *gel-* (*kel-*) и не иметь морфологического отношения к этому *gelti* (*kelti*). Я предлагаю *geṭ-* (*kel-*) или *gil-* (*kil-*) переводить „красивый“, имея в виду арм. *հեղ* „красота“, *geḥan* или *gelecik* „красивый“. Следовательно хурр. *geluṣ* будет значить „красота“, что есть и в собственном имени женщины *Geluṣ* Нера „красота богини Хепы“ (=Хепит), для чего ср. обыкновенное *Heṣit miṣni* „Хепит чудесная“. Есть и имена *Gilu-Teṣur* „Красивый Тешуп“, *Gelip-erwi* „Красивый мой господин“, *Gelia* „Красивенький“ и пр.

Точно также редкое арм. слово *hoj* (в сложениях *hojakar* „великослаженный“, *hojanup* „величаво-именный“) я хочу видеть в хурритских личных именах из Нузи: *Hui-Teṣur* „величавый Тешуп“, *Hui-Tilla* „величавый бог Тилла“, *Huir-erwi* „величавый мой господин“. Есть и нарицательные слова из Богазкея: *hūce* (KUB VIII 60, obv. 8). *hūššita* (KUB X 63 п 11)¹ и пр. Наконец, есть и отдельное мужское имя из Нузи, звучащее *Huia*, что вполне соответствует армянскому личному имени легендарного правителя *Ной*, наследовавшего Базуку (см. у М. Хоренского, кн. 1, гл. 20-ая), также имеющемуся в числе хурритских мужских имен (см. ниже).

* * *

Обратимся теперь к этим хурро-армянским личноименным соответствиям, независимо от источников проникновения этих имен к самым хурритам, будут ли они аккадского, касситского или иного происхождения.

Хурритские имена я беру из „Nuzi personal names“ (изд. в Чикаго, 1943 г.), сокр. NPN.

1. *Akitta* (*Akitti*, *Akittle*)=арм. *Akit'*, имя монаха, по арм. „вардапет“ (см. „Письмо Ваану Мамиконяну“ Л. Парпеци, Тифлис. 1904, стр. 196). Часть *-i(t)ta* видим и в хурритских именах *Ennita*, *Hupita*, *Ikita*, *Miššita*, *Ukkita* и *Zikita*.

2. *Arditi* (*Artiidi*, *Ardiidi*)=арм. *Artit'*, имя епископа из области Басен; ср. также *Artitēs* у М. Хоренского (Тифлис, 1913, стр. 99 и 219). П. Пурвес в NPN (стр. 203) это хурритское имя этимологизирует из *Ar-* „дар“ и *-titi*, что вызывает сомнения у И. Гельба (там же, стр. 35). Несомненно корнем будет *ard-* (ср. урартс. *ardiše* „дар“ от *ar-* „давать“) с суффиксом *-ith*, что видим и в армянских *Akit'* (= *Akith*), *Artit*, *Asit'* (из рода Мамиконян, см. у Ф. Арцруни, стр. 147), *Brit'*, *Zuit'* (=сирийскому *Zuit'a*, *Zebeda*), *Gnit'* (епископ в

¹ От *hūšše* „величие“ с суфф. *-šše* (обыкновенно *-še*), образующем отвлеченные существительные, как *kitaše* „долгота“, *geluše* „красота“, *erwiše* „царственность“ и пр.

Дерксене, арм. Derjan, по М. Хор., стр. 335, 340), откуда имя князей Гәпt'уни.

3. *Bazi* (*Pazi*) или *Baza* = арм. *Baz*, имя внука Хайка, эпоним князей Взпипи. Само же хурритское имя (*Pazi*, *Bazi*) было очень распространено не только в Нузи и Гасуре, но и в документах из Ниппура, Анатолии и пр. и считается „хурро-анатолийским“ (NPN. 244).

4. *Pazaku*, сын некоего *Argizza* (NPN. 112), что вместе с именем *Pazazi* (*Bazazi*) и *Pazia* (уменьш. от *Pazi* || *Bazi*) свидетельствует об их производном характере. Ср. арм. *Bazuk*, имя легендарного правителя Армении по М. Хоренскому (кн. I, § 19). Упоминается среди ряда правителей *Perç*, *Arbun*, *Bazuk*, *Hoï*, *Jusak*, *Kajrak*, которые по-моему хурритского („ариме-шупритского“) начала, после чего упоминается Скаурди, т. е. Сакид, сакского (скифского) начала (VII в. до н. э.). Арм. имя *Bazuk*, как хурритское заимствование, своим суффиксом *-uk* представлен и в следующих личных именах из Нузи: *Haşuk*, *Dasuk*, *Kizzuk* (при *Kizari* с суф. *-ari*), *Kaltuk*, *Taiuk*, *Siluk* (ср. Селевк), *Zarduk* и др.

5. *Putu* или *Puttu* (*Puddu*) = арм. *But'* имя главного жреца, или *But*, имя из рода князей Аравелян. Видимо это же хурритское имя входит и в сложное женское имя *Putu-Hepa* (или *Pudu-Hepa*), что буквально значит „служанка богини Хепы“ (т. е. Хепит) и в других местах пишется полуидеографически *ERUM-he | hi-pa* „servant of He-pa“ (см. NPN. 248). Ср. также грузинское мужское имя *Budu*, что своим последним гласным „и“ столь близко хурритскому *Puttu* (*Puddu*) или *putu* (*pudu*) „служитель“. Проф. Р. Ачарян в своем „Словаре личных имен“ (кн. II, стр. 425) армянское *But'* (или *But*) считает сирийским *bud* „церковный надзиратель“. По-моему армянское и грузинское имена независимы от сирийского *bud*, которое само видимо такого же хурритского происхождения, а значение „служитель“ уже наличествует за полторы тысяч лет до н. э. в хурритском *Pudu-Hepa* „служанка Хепы“, не говоря о мужских именах *Putu* или *Puttu* (*Puddu*).

6. *Dada* (*Dada*) субарское имя времен третьей Урской династии (см. J. Gelb, *Hurrian and Subarian*, Чикаго, 1944, стр. 95, 109) = арм. *Dadē* или *Dadiu*. Упоминается также некий хуррит *Dada* из города *Argiza* (ср. арм. *Arçeş* ?), как и в Нузийских таблетках имена *Tata*, *Tataia*, *Tati*, *Taddu*, *Tadunna*, *Daduni* и пр. (NPN, 150). Ср. также грузинские *Dadiani*, *Dadeşkeliani* (фамилии). Есть также имя бога *Datta* (в хеттс. клинописи) или *Tatta* (в „хеттских“ иероглифических надписях, см. J. Gelb, *Hitt. hierogl*, III, стр. 48), что быть может наличествует и в армянском имени городка *Datvan*¹, буквально значущего „обитель Дата“. Бог же *Datta* у хеттов и лувийцев замещал известного Тешупа, бога грома и молнии.

7. *Dudukata* своим *Dudu-* = арм. *Dudu*. В хурритском частица

¹ Этот городок находится на юго-западном берегу Ванского озера.

-каа считается осложненной из -ка и -ia и налична также в именах *Ḥanukaia*, *Ḥerrikaia*, *Ḥnnikaia*, *Капукаиа*, *Pallakaia* и др. (NPN, 222). Есть и армянское мужское имя *Tuta* и сложное *Tutē-ordi* („сын Туте“). Быть может, хурро-армянские все эти слова семитического происхождения, ибо есть божество *Dûdu* и личные мужские имена *Dûdu*, *Dûdu abi-šu* „Дуду его (-šu) отец“, известные из Нузийских таблесток как имена хурритов. Э. Шрадер в своей книге „Die Keilschrift und das Alte Testament“ (Берлин, 1902, стр. 483) семитическое имя бога *Dûdu* выводил из семитического корня *dād*, *did*, *dûd* „любимый“ (NPN, 303).

8. *Zaza*=арм. *Zaza*, имя нескольких Захаридов в XIV—XV веках. Есть и ласкательное арм. *Zazik* (см. Ачарян, Словарь личн. имен, II, 163). Хурритское мужское имя известно нам не только из Нузи, но и из „Каппадокийских таблесток“, т. е. как имя туземцев древней Каппадокии (см. F. Stephens, Pers. names of Cappadocia, 70, 85)—*Zazia*, *Zaz*, *Zaza* (имя бога), *Zazuni* (по окончанию ср. арм. *Arbun*, хурр. *Tatuni*...). Армянское имя *Zaza* употребляется даже сейчас, и в моем родном селе Аштарак и поныне есть фамилия *Zazenc*, местность *Zazi duz* „равнина Заза“.

9. *Zige* или *Zik* мужское и женское имена, известные из Нузи и Каппадокии (см. у Стефенса, 70)=арм. *Zik* мужское имя, что проф. Ачарян считает заимствованным с персидского („Слов. личн. имен“, II, 208). Но, как видим, хурриты также носили это имя во втором тысячелетии до н. э., а сами иранцы перенимали даже нарицательные имена у малоазиатов (ср. перс. *Vitakša* из *Bitiaxša*, см. ВДИ, 1949, № 3, стр. 11—13).

10. *Ḥinzuri*, *Ḥinzuraia* женские имена (из Нузи)=армянским *Ḥəndzor*, *Ḥəndzorik*, которые образованы в средних веках, как женские имена „Яблоко, Яблочко“, независимо от хурритских однокоренных собственных имен. Тем самым отпадает заимствованность армянских этих слов, а самый корень *Ḥəndzor* „яблоко“, как выше уже было указано, не есть сирийское *ḥazzūra* „яблоко“, если не обратное заимствование (по Гюбшману), хотя наличие аккадского *ḥašhurru* „яблоко“ может говорить за семитическое, resp. месопотамское происхождение армянского, сирийского и хурритского слов для яблока.

11. *Ḥušuše*, *Ḥušušaia* (ласкат.) женские имена=арм. *Ḥušuš* женскому имени, применявшемуся в средних веках. Несомненно хурритское имя есть повтор из простого корня *ḥuš-* с утратой начального *ḥ* при втором компоненте, как на то указывает женское же имя *Ḥušḥušu*. Утрата *ḥ* имеется и при повторении обыкновенного хурр. глагола *ḥaš-* „слышать, слушать“ в форме *ḥašaš-* (id.).

12. *Ḥutta* (*Ḥutti*, *Ḥutaia*, *Ḥutia*)=арм. *Ḥut'a*, который был одним из Сасунских владетельных князей и вместе с братьями Сambat, Мушер и Персес, по приказанию византийского царя Маврикия, пошел помогать изгнанному персидскому царю Хосрову (см. Ачарян, Словарь личных имен, кн. II, стр. 555).

13. *Нuia* (*Нuia*) кроме документов из Нузи, упоминается и как Каргемишский князь в надписях из Богазкея (KB₀, III, 3, Col. III, Vs.2)=арм. Ној, имя легендарного арм. правителя (см. у М. Хоренского, I § 19), упоминаемого с другими правителями, носящими также хурритские имена. О возможном нарицательном значении этого Ној (хурр. *Нuia*) в связи с арм. *hoj*- „величавый, славный“ см. выше.

14. *Hambizi* или *Haburzi* (<*Habbur*- ⁴*Sin* „отпрыск бога Син“)=арм. *Hambuž* в имени княжеского рода *Hambužean*, занимавшего в „документе о местах“ (*Gahpatak*) сорок первое место (см. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, стр. 250). Эта фамилия в „военном документе“ написана *Habužean* (*ibid.*, 252), а в житии св. Нерсеса (в псевдогахнамаке) написано *Habužean*. Здесь имеем фонетическое соответствие хурр. *h* армянскому *h*, как и в имени *Нuia* (*Нuia*) и армянском Ној, в других случаях хурр. *h*=арм. х. Хурритское *Haburzi* заимствовано из аккадо-сумерского. В последнем (сумерском) *habburu* значит „ветвь, отпрыск“ (см. NPN, 305), а имя бога *Sin* (бог луны) в сложениях часто видоизменяется и сокращается в *-si*, *-zi*, как второй компонент. Пишется также *Zi-pi*, *Zi-i-ni*. Быть может перс. имя Камбиза также видоизменение от этого же *Ha(m)burzi*? Есть также ассирийское мужское имя *Kambuzia* (см. Кп. Tallqvist, Assyrian Personal Names, 1914, стр. 274), с которым близко созвучно названное персидское имя Камбиза.

15. *Kuari* (Ку-а-гі, Ку-ú-а-гі) по Нузийским документам мужское, а иногда и женское имя (NPN, 89)=арм. *Kuagі*. Последний будто был сыном индийских князей Гисане и Деметре, в области Тарон, строит село Куарс по своему имени, а вместе с братьями Хореан и Мелти ставит в нем идола.

16. *Warašama* известно по Нузийским документам (NPN, 171) и близко звучит с армянским именем *Varšam*, сравнительно поздно употребляющимся. Возможно индо-арийское их происхождение (см. NPN, 275).

Возможны конечно и другие встречи между хурритскими и армянскими именами.¹ Но иногда трудно бывает настоять на путях проникновения. Напр., армянские князья часто носят имя *Atut* (А. Хорхоруні, А. Гпуні и пр.), которое несомненно семитического (ассирийского) происхождения, где *Adad*—имя бога грома и молнии. Употребляется в сложных именах и у хурритов, напр. *Adad uballit* „Адад дал жизнь“, *Adad pašir* „Адад—покровитель“, *Zupradad* (>*Zurbadda*) „коготь Адада“ и пр., но отдельного имени *Adad* у хурритов пока не зарегистрировано. Или, напр., касситское имя бога *Harra* (|| *Harbe*), эквивалента Энлиля, у хурритов стало личным именем в форме *Harra* или *Harme* (ср. также в сложениях *Agі-harra* || *Agі-har-*

¹ Напр. при хурр. имени *Atikka* имеется армянское соответствие *Atik* (Աթիկ), что возможно значило „отец“ от хурр. *a(t)la* „отец“. Семасиологически ср. арм. имя *Hajrik* от нарицательного *hajr* „отец“.

me, Haš-harba и Haš-harme и пр. в документах из Нузи), что, быть может, передалось и армянам в имени легендарного айкида Нарма, столь похожего по внешности и на греческое имя бога Гермеса (Hermēs).

Наконец, есть хурритские личные имена, которые как будто детского или лепетательного характера (Lallwörter), хотя и они могут иметь интерес для сравнения. Таковы хурритские Kakki или Gakki, Kakkia, Kakku, Kakkua, Kakkuzzi (Gakuzi), Kuku или Gugu, Kukkuli и пр.; подобные имена имеют и туземцы Каппадокии, как Gaga (имя бога), Gagia, Gakii и пр., оставляя ассирийские Gagii, Gagu (см. у Стефенса в его „Pers. names of Capp.“, 82—83). Ср. арм. имена Gag, Gagik, Kuk и пр. Между прочим в этой же книге (стр. 58) приводится и туземное имя семитического происхождения, пишущееся Me-šû-rabi или Me-šar-rabi, из которых первое столь напоминает армянское (заимствованное) имя Mesrop, который изобрел армянский алфавит. Но мы вправе были ожидать от Mešurabi армянское *Mešgar, а не Mesrop. Имя Mešu-rabi возможно значило „дар великий“.

Мое исследование, как видим, выявило до двух десятков нарицательных и столько же собственных личных имен между хурритским и армянским языками. В числе собственных имен нужно считать и несколько имен богов, также представленных в том или ином виде в армянском (Tarku, Šanta, Šauška, Tiranna, Nupatik. Pai...), тогда как более близкий по времени к армянам урартс корнеслов и имена лиц и богов в армянском мало представлены. Это как раз говорит в пользу того, что арменизация территории Урарту шла из областей Ариме и Шуприа, т. е. с верховьев Тигра, через Тавры на Туруберан-Тарон и севернее, оставив Васпуракан, т. е. районы восточнее озера Ван, где еще в конце пятого века жили халды, дававшие армянам наемные войска, согласно свидетельству Ксенофона.

Но мое это лингвистическое исследование не говорит о морфологических встречах между хурритским и армянским языками. Я не нашел ни одной флексии хурритского языка, которая была бы в армянском. Склонение хурритского имени дает в эргативном (имен.) падеже -š, род. -we, дат. -wa, направ. —ta или -da, местном -a. Спряжение имеет в I лице -au, II л. -u, в III л. -ia/a (во мн. ч. неизвестно), а для прош. времени прибавляется частица -uš, после чего те же окончания (: ag-uš-au „я дал“, ag-uš-u „ты дал“, ag-uš-a „он дал“), а для будущего прибавляется частица -et или -ill (:kat-et-au „сообщу“, girap-et-a „пошлет“) или обе частицы (:kat-ill-et-a „сообщит“ и т. п.)¹.

¹ Этот суф. -et для образования будущего времени я вижу и в урартском языке в виде -it или et глагольной формы agi-et-a или at-it-a „он даст“ от корня ag- „дать“. Имеются эти примеры только в летописи царя Сардура, раскопанной в 1916 г. Н. Марром и И. Орбели в нине Ванской скалы. Фразеология совершенно одинакова: LUGAL-ni URU Buinialbi LUburaštubi mešini-pī 'aaldubi meše- mdSardurie arieta „царя из города Бунни я поработил (подчинил), под дань вверх, (чтобы) дань Сар-

Структуре хурр. языка свойственна сильная агглютинация, напр., *ḥaṣuṣau-n piṣanduṣitta-an* „я выслушал (*ḥaṣuṣau-*) его (-*n*) и (-*an*) он обрадовал (*piṣanduṣi-*) меня (-*tta*)“. Или, напр., *ṣen-iwwuṣṣ-an aṣti ṣa-ruṣa...undu-man aruṣau-n* „и (-*an*) брат (*ṣen-*) мой (-*iwwu*) ее (-*ṣṣ-*) в жены (*aṣti*) попросил (*ṣaruṣa*), затем и (*undu-man*) я дал (*aruṣau-*) ее (-*n*)“. В древнеармянском глагол мог принять к личным формам и прибавление местоименных энклитик для отношений и для объекта, что было и в хеттском и в урартском (напр. от *p'or'oxi-n* „*то*, что меняется“, от *gresaw-n* „*то*, что было написано“, *zor asemk'-s* „то, что говорим *здесь* (-*s*) и т. д.). Даже не наблюдаются общие основообразовательные аффиксы между хурритским и армянским языками, если не считать суффикс *-it'* (*=-ith*), как хурритские *Ennita* (есть и *Ennia*), *Ikita*, *Miṣṣita*, *Ukkita*, *Likita* (есть и *Lik*) при армянских личных именах—*Artit'*, *Manit'*, *Mardit'*, *Tirit'*, *Gnit'* и пр., или же суф. *-uk* в хурритских *Daṣuk*, *Suṣuk*, *Haṣuk* (жен. и.), *Kaltuk*, *Kizzuk*, *Naḥaruk*..., при армянских *Arjuk* (собств. „медвежонок“), *Hawuk* („дедка“, „дедушка“), *Sewuk* (собств. „черненький“)..., подобно нарицательным *gaṛnuk* „ягненок“ (от *gaṛn*), *hozuk* (от *hoz* „свинья“) и пр.

Отсутствие хурритских грамматических форм в армянском нужно объяснить тем, что сами хурриты в VII веке до н. э. были этнически и лингвистически очень слабы и отчасти смешались с сирийцами. Следовательно, если они и сохранялись кое-где (напр., в нагорных районах Тавра), то сильного влияния на пришлых хайев из Хайасы не могли оказать и подверглись ассимиляции, дав уже организованному грамматически этому хайскому языку много своих хурритских (субарских) слов, как нарицательных, так и собственных, как отчасти показывает настоящая работа.

Конечно, общности в хурро-армянской лексике были в большей мере, чем удалось нам выявить здесь. Ведь сама хурритология еще не на много пошла вперед после первого крупного исследования Мессершмидта, хотя позднейшие раскопки дали солидный лексический материал и даже небольшой сумеро-хурритский словарь, как у меня было в начале подчеркнуто.

Тем не менее, армянский язык служит одним из хороших источников для понимания или уточнения значения многих хурритских слов, как было у меня отчасти доказано. Ведь армянский язык с его огромным накоплением из разных этно-языковых источников, как живое детище культурного субстрата аборигенов древнего ближнего Востока, его азианического мира, таит в себе сотни и тысячи та-

дуру он дал" (см. надпись „Хазине Капуси“, в „Арх. Эксп. 1916 г. в Ван“, стр. 42, строки 17—18). То же самое читаем в V-ой надписи на постаменте (*ibid.*, стр. 53, строки 20—21): *LUburaṣtubi meṣini-pei aaldubi meṣe mdSardurie arita* (говорится о подчинении и наложении дани на царя Ниди из области Великуха, района современного города Нор-Баязет у озера Севан). В урартском этим *-et* образуется буд. вр. желательного накл., а в хурр. —изъявительного наклонения.

ких лексических этимологий и влияний, которые отчасти здесь даются.

Эти и подобные примеры из разных языков, бытовавших либо на территории бывшего Урарту, либо на его границах, еще раз подтверждают ту мою научную установку в проблеме этногенеза армян, согласно которой многочисленные племена бывших хеттских конфедератов *Haiaša-Azzi* и *Pala (Bala)*, начиная с конца восьмого века до н. э., под давлением пришлых киммеров, передвинулись со своих насиженных мест, районов Понт—Верхний Евфрат в сторону Арацани (Мурад-чай)—верхний Тигр, где были бывшие Ариме и Ишуприа, поздние домены исторической Армении с „древнейшей столицей“ (по Фаусту Византийскому) в крепости Ангел, а затем в Тигранакерте. Другой ветвью эти же хайасцы, пала и др. двинулись по течению Аракса на восток, вплоть до страны „балов“ в Сюнии, не говоря уже о *kara-bala* „племена балов“, т. е. нын. Карабаг. Часть этих племен видимо двигалась и по Куре и по Черноморскому побережью к абхазам, где упоминаются племена *ašaia-oi* у классических писателей (ср. также „бала диалекты“ у сванов), не говоря уже о том, что грузинский древний фольклор считает своим патриархом-царем легендарного Азо, этого эпонима племен *Azzi*, в хеттской клинописи смешавшихся с хайасцами, со страной *Haiaša*. Несомненно и многие грузинские племена в тех же VIII—VII веках, под влиянием тех же киммеров, передвинулись к среднему течению Куры, в более обеспеченные районы современной Мцхиты и далее. И не даром грузины и армяне виновников этой грозной поры новой политической жизни, этих воинственных киммеров, а заодно и соучаствующих скифов (саков), вспомнили с одной стороны в грузинском слове „гмири“ (=герой), буквально „кимер“ (ассир. „гимиррай“), ставшем у армян „гмир“ (=могучий“), а с другой стороны в армянском слове „ска“ (=великан), с арамеизированным конечным „а“, как отражении имени саков (скифов),—термины, иногда путаемые в древних документах.

Как показывает эта наша маленькая работа, данные древнеармянского языка, как и живых диалектов современности, могут дать очень много ценного не только для выяснения истории начального становления и образования армянского народа и языка, в частности для вопросов мифологии (с именами божеств южного происхождения), социальных отношений (ср. термины *saša* „раб“, *ner* „жена деверя“ и пр.), культурного влияния (ср. собственные армянские имена хурритского происхождения), этнического состава армян и пр., но и имеют большое значение для самой хурритологии, особенно хурритского (геср. субарского) языка, где выясняется точное происхождение и значение многих его слов.